

А. Г. КАЗАРЯН,

*ассистент кафедры экономической теории
Ереванского государственного университета***ИНКВИЗИЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИМПЕРИИ**

Преобладающей спецификацией Интернета является порнография, или, несколько обобщая, — «обнаженка» разных типов. Она составляла в разные периоды от 55 до 80 % траффика. Причем нельзя сказать, чтобы этот показатель устойчиво снижался. Грубо говоря, Интернет можно отождествить с порнографией. К сожалению, несмотря на общеизвестность таких цифр и хор моралистических стенаний, указанный феномен не стал отправным пунктом культурологического осмысления Интернета, как апофеоза информационного общества. Никак не интерпретируется не только совокупный объем, но и повсеместность низкопробной «обнаженки» в Интернете, оккупирующей через рекламные баннеры страницы самых «центровых» (не сказать — солидных) интернет-изданий. А ведь речь идет явно не о припадке рекламной истерии умнейших и в ином случае радеющих за страну и народ редакторов, но о том, что порнография, пожалуй, служит конвенциональным пропуском в Интернет.

В связи с этим я считаю нужным описать, пусть и эскизно, свои основные наблюдения и вытекающие из них направления исследований.

Здесь не обойтись без технической прелюдии. Гуманитарии склонны приписывать «виртуальной» эпохе — информационным технологиям, Интернету — свойства не только эфемерности, но и «неподконтрольности» (государству), повальной анонимности. На деле — подключение к компьютерной сети неминуемо означает прямой и полный контроль над деятельностью пользователя, вплоть до «выкачивания» всей информации, хранящейся в его персональном компьютере. Этот простой технически и несомненно административный факт — отнюдь не предмет конспирологических дискуссий.

Исходный культурологический вопрос состоит как раз в том, случайна ли такая статистическая идентичность Интернета с измыслительством над телами, или она носит идеологический характер, специфицируя его как прикидку глобального сообщества?

Интернет закономерно вносит искажение тел. Это происходит, в конечном счете, от протестантского замыкания человека в гуманистическую оболочку индивидуального тела, помимо пресуществляющей мощи Слова.

Таков посыл «информационного общества», которое лихорадочно изоцирует «средства коммуникации» как раз потому, что в корне оторвалось от ее действительного содержания. Метафизический трепет, вносимый словом одного человека в жизненное движение другого, замещается телесным исторганием, как выражался Юм, «аффектов», ритуализуемых «квакерами» как судороги и глоссолалия. Умонастроение, отворачивающееся от чудесного возвещения слова, впадает в инквизиторский раж «реконструкции» слова усилиями насильственной манипуляции над телом (а затем — и «деконструкции» самого слова). Не одержание тела словом, но одержимость подтверждением телесными жестами оторванных от разума эмоций составляет садистический императив эпохи. Гуманизм (европейского извода) есть призыв насилия, и больше ничего. Здесь нет оппозиции.

В производственной сфере это приводит к усугубляющемуся «разделению труда», подвергающему тело аффективному террору машинальных навыков, с одной стороны, и к эволюции продукта в сторону гаджета (формального набора рационалистически разъятых «функций») — с другой. Как замечает американский футуролог и писатель-фантаст Брюс Стерлинг, у гаджета (например мобильного телефона) «больше функций, чем пользователь когда-нибудь сумеет изучить, подчинить себе или реально использовать». При этом функция выступает не как инструментальное самовыражение запечатлевающей понятие формы, но как абстрактная «коммуникация» привходящих параметров. Нагромождение функций умножает излишнее, аномию, хотя и не анонимность, «коммуникации». Она уготовляет порнографию, как показную интригу тел для атрофирующихся эмоций. Вот почему Интернет как интегративная среда всяческих коммуникативных функций и парадигма глобального общества индивидуалистов по сути совпадает с порнографией.

Чем больше стерильных «средств коммуникаций» измышляется на одном полюсе, тем больше скапливается подспудных бесплодных напряжений в телах на другом. Это означает, что неафишируемым средоточием Интернета должен быть садистический аф-

факт, а исходом — платное удовлетворение через рынок проституции. Так и есть. Интернет-индустрия непристойностей плоти — интегрированный программный продукт, в котором пользователь, вызывающий сайты садистического содержания, попадает на «конвейер», выводящий его через «жесткие» и «мягкие» порносайты к рекламному предложению услуг проституток (с фото и адресом электронной почты) в том городе (местности), где он находится. Эта индустрия прослеживает поисковые запросы пользователя таких сайтов, с одной стороны, различными уловками затягивая время его платного нахождения в Интернете, а с другой — постепенно канализируя его внимание либо к заказу садистических сцен в глобальном «онлайне» (включая планирование истязаний), либо к услугам проституток мирового рынка в локальном «реале».

Сетевое наблюдение без каких-либо спецсредств легко выявляет, что эти программные комплексы глобального действия завязаны на «легальный» поисковик (Google). В частности, довольно смешно, что локализация подобных пользователей производится по языковой модификации Google (скажем, окно рекламы услуг латвийских проституток «всплывает» тогда, когда на компьютере загружен «латышский» вариант этого поисковика), хотя в том, чтобы алгоритмически установить территориальную привязку компьютерного запроса, нет никакой сложности.

Интернет как порнографический инвариант и директория «золотого миллиарда» тем самым выступает как полигон для обкатки садистического правового режима — административной техники назревающей мировой империи США. В связи с этим следует рассмотреть правовые импликации «международного виртуального интернет-сообщества».

Интернет, несомненно, размывает правовые нормы. Так, те антиобщественные проявления, за которые в реальности полагается срок (нецензурные оскорбления, диффамация, угрозы в адрес собеседников), в Интернете проходят безнаказанными. Хотя именно там, а не на улице, есть все предпосылки для ментальной идентификации правонарушителя. Или уж во всяком случае — техническое предотвращение правонарушений путем

автоматической фильтрации текста простейшими программами.

Однако самое важное в правовом плане — скрытый программный комплекс Интернета предъявляет пользователю ряд условий правового характера, с которыми он должен в индивидуальном порядке согласиться при входе на садистические и (в меньшей степени) порнографические сайты. Эти условия включают односторонние обязательства — заметим, неизвестно перед кем, поскольку другая сторона «контракта» никак не отрекомендовывается — по произвольному ущемлению его личных прав и свобод. Например, он должен заверить, что не будет этого делать в научных целях. Тем самым Интернет применяется для введения явочным порядком деформированного правового поля, как подпольной мафиозной стачки, и внушения чувства рабской незащищенности перед глобальными, но инкогнито силами. Итак, Интернет явочным порядком меняет правосознание, проецируя на сообщество пользователей нуждающуюся в научном описании идеологию узурпации.

Дрейф «реальной» экономики к глобальному садизму по модели Интернета пока малозаметен, но весьма симптоматично появление рекламных щитов и видеороликов фирмы «Мартини», представляющих в виде неудачливого потребителя этого напитка связанную (во сне) ее бойфрендом девушку. Между тем именно фирма «Мартини» в течение десятилетий подчеркивала агрессивно-сексуальный мотив в своей рекламе.

Вырождение коммуникации по отношению к «функциям» сопровождается вырождением познания по отношению к «знаниям». И в Интернете открыто предлагаются, для облегчения индивидуальной «учебы», курсовые и дипломные работы.

Сплюсчивание социальной иерархии в глобальный кавардак повреждаемых тел проводится посредством назойливого предложения вниманию пользователя каталогов и отдельных сцен гомосексуализма, инцеста, сексуального насилия в учреждениях и учебных заведениях.

Итак, в роли коммуникативного пространства Интернет выступает как предтеча общества тотального насилия и коррупции.